

ПОНИМАНИЕ ПРЕСТУПНОГО

Е.Б. КУРГУЗКИНА

Представления человека о преступном начали складываться еще в глубокой древности.

Процесс познания преступного условно можно разделить на научную деятельность, связанную с накоплением знания в период становления криминологии, и на исследования, связанные с изменением конституирующих криминологию ценностей и норм.

Возникновение и развитие осмысления преступного представляет собой переход от донаучных представлений к научным. В каждый исторический период достигался определенный уровень осмысления преступного. Хотя криминология не во все периоды осознавалась как наука, даже сам термин появился позже, но все же многие рассуждения, исследования, умозаключения и выводы касались ее будущих институтов.

Предлагаем выделить следующие периоды развития понимания преступного: **I.** Архаический. **II.** Мифологический. **III.** Протонаучный. **IV.** Собственно научный.

Отправным пунктом архаического периода можно считать взгляды и представления первобытного человека – основной существования его являлись инстинктивные потребности в выживании как каждого индивида в отдельности, так и вида в целом. Выживание же возможно только при наличии достаточного питания и воспроизводства генетически здорового потомства. Формирование у людей зачатков социальных норм происходит спонтанно и перманентно из бессознательных индивидуальных и групповых инстинктов, запретов и простых правил. Причем правила и запреты складывались строгие, жесткие и напряженные. Многие подобные запреты выполнялись вынужденно с помощью силы или такой мотивации, которой древнейшие люди не могли противостоять.

З. Фрейд, исследуя тотем и табу аборигенов Австралии, отмечал достаточно примитивный образ жизни этих народов. У аборигенов существует система тотемизма. Австра-

лийские племена делятся на семьи, каждая из которых носит имя своего тотема. Тотем — это растение, животное или сила природы (дождь, вода), находящийся в определенном отношении ко всей семье. Тотем признается прародителем семьи, хранителем и помощником ее. Члены общего тотема связаны священным обязательством не убивать, не есть мяса своего тотема. Среди племен, основанных на тотемизме, существует правило, что члены одного и того же тотема не должны вступать друг с другом в половые отношения, а, следовательно, не могут вступать между собой в брак.

Выработка традиционных правил поведения имела целью оградить племена от опасных для выживания деяний. Такого рода правила можно условно назвать законом в антропологическом смысле. Требования такого закона характеризуются тем, что они воспринимаются и понимаются как обязанности одних и правомерные притязания других людей. Механизм действия закона основан на взаимной зависимости и проявляется в равновесной последовательности взаимных услуг, а также в сочетании выдвигаемых участниками всей совокупности взаимодействий требования.

Специфических правовых институтов по реализации первобытного закона не существует. Главная функция такого закона заключается в обуздывании некоторых естественных склонностей человека, торможении и контроле проявлении инстинктов, в создании принудительных ограничений поступков, т.е. в обеспечении коммуникации, опирающейся на взаимные уступки и жертвования для общей цели. Достигается это иным путем, нежели врожденные спонтанные психические произвольные способности подчиняться требованиям, которые абориген скорее склонен обойти или осознанно нарушить.

С пониманием преступного тесно связано в первобытном обществе определение «табу». Табу представляет собой совокупность негативных предписаний. Они не могут сводиться ни к религиозным заповедям, ни к требованиям морали, поскольку запреты табу лишены обоснования. Доисторический человек был уверен, что если поступит запрещенным образом, то это повлечет определенные неблагоприятные последствия.

Соответственно, если таковые последствия для него нежелательны или опасны, то он старался воздержаться от подобных деяний, что объясняется заблуждениями (своеобразным первобытным мировоззрением) в отношении развития причинно-следственных связей. Вредные для него, по его мнению, деяния первобытный человек табуирует. Отличие табу от других запретов состоит в том, что возможные опасные последствия при табуировании являются мнимыми, а при моральных — реальными.

Самыми многочисленными и существенными из соблюдаемых дикарями табу являлись запреты на употребление определенных видов пищи. Многие из таких запретов основываются на законах подобия, поскольку древний человек боялся приобрести присущие этим животным и растениям свойства, которыми, по его мнению, они могут его наделить¹.

Нарушенное табу мстит за себя само. В ряде случаев, вследствие развития понятия запретного-преступного, общество само берет на себя право наказания лица, преступление которого навлекло опасность и на окружающих. Мало того, кто преступил табу, сам становился табу. Источником табу считается собственная магическая сила, имеющаяся в людях и духах, которая от них могла быть перенесена при помощи неодушевленных предметов.

Нарушение табу, даже по неведению, само собой влечет жесточайшее наказание. Преступник, съев мясо запрещенного животного по неведению, впал в глубокую депрессию, ждал смерти и затем, в самом деле, умирал, настолько велика была сила самоубеждения.

Объясняя табу, можно допустить, что это очень древние запреты, насильственно навязанные этому поколению предыдущим. Относились запреты к деятельности, к которой имелась большая склонность. Со временем они перешли в область коллективных бессознательных необъяснимых страхов. Но из того факта, что табу удерживалось и у примитивных народов дожило до наших дней, следует, что первоначальное наслаждение от совершения запретных действий, существует у народностей, соблюдающих табу.

У них, по мнению З. Фрейда, имеется амбивалентная направленность к запретам табу: в бессознательном им боль-

ше всего хотелось нарушить их, но они в то же время боятся этого; они потому именно боятся, что желают этого, и страх у них сильнее, чем стремление к наслаждению.

Основные древние запреты табу составляют два главных закона тотемизма: не убивать животного тотема и избегать сексуальных связей с соплеменником по тотему другого пола. Оба, думается, представляют собой самые древние и сильные соблазны людей. Как бы мы не классифицировали табу, суть можно свести к тому, что они основываются на запрещенном действии, к совершению которого в бессознательном имеется сильное стремление. Опасное свойство, присущее всему разнообразию табу, можно определить как способность раздражить амбивалентность человека и будить в нем искушение преступить запрет. Поэтому дикарь, нарушивший табу, сам становится табу, поскольку приобретает опасное свойство вводить других в искушение следовать его примеру, вызывает желание подражать.

Однако туземцу не надо и нарушать табу для приобретения статуса «табу» постоянно или временно, если он находится в состоянии, способном будить запретные желания, вызывая амбивалентный конфликт. Так, вождь вызывает зависть своими преимуществами. Мертвец, новорожденный, женщина в своих физиологически-болезненных состояниях привлекают особой беспомощностью; только что созревший в половой отношении член племени — новыми наслаждениями. Для общества опасность заключается в возможности подражания, могущего, с их точки зрения, привести к разрушению их социума. Если бы других не наказывали за преступление, то они должны были бы открыть в себе тоже желание, что и у преступников².

Человек по своей биологической природе сравнительно безобидное и всеядное существо. У него нет естественного орудия, принадлежащего телу, которым он мог бы убить крупное животное. Поэтому у человека нет тех в достаточной степени развитых механизмов безопасности, возникших в процессе эволюции, которые удерживают хищных животных от применения естественного оружия в виде клыков и когтей против сородичей.

Очевидно, что в преыстории человекоподобные высококоразвитые механизмы для предотвращения внезапного убийства были не нужны, поскольку такое убийство было попросту невозможно. Нападающий древнейший человек мог только царапать, кусать или душить. Жертва в этом случае имела достаточную возможность обратиться к тормозам агрессивности нападающего жестами покорности и испуганным криком. На слабо вооруженных животных, к которым относился и гуманоид, не действовало селекционное давление, которое могло бы вызвать к жизни те сильные и надежные запреты применять оружие, необходимые для выживания видов, обладающих подобным природным оружием. После изобретения искусственного оружия открылись новые возможности лишения жизни для дикарей. Из-за этого прежнее равновесие между сравнительно слабыми запретами агрессии и таким же слабыми возможностями убийства оказалось нарушенным.

Переход предка человека от бессознательной инстинктивной фазы филогенеза к абстрактному мышлению привел его к созданию первых примитивных орудий, в том числе и к зажатоу в руке камню. На основании археологических находок на стоянках синатропа доказано, что эти орудия были употреблены для того, чтобы убивать и жарить представителей своего вида. Абстрактное мышление дало человеку господство над всем невидовым окружением и тем самым спустило с цепи внутривидовой отбор, признаком которого стала гипертрофированная агрессивность. Такая агрессивность генетически присуща человеку и, подавляясь социокультурными рамками и накапливаясь, при подходящих внешних или внутренних условиях спонтанно может прорываться. Объяснить такой прорыв можно потребностями биологической природы человека в действии инстинкта агрессии, как заложенного природой регулятора и средства выживания и воспроизводства вида. Фактором разумного сдерживания агрессивности является вырастающее из развивающегося абстрактного мышления в ходе филогенеза чувство ответственности. Однако чувство ответственности развивалось и совершенствовалось постепенно и на ранних этапах существования гуманоида проявлялось очень

незначительно. Подтверждение этому можно увидеть, наблюдая этапы филогенеза в онтогенезе отдельного человеческого существа. У детей в возрасте 2 — 11 лет с разной степенью интенсивности в зависимости от возраста и пола, видимо, как и у первобытного человека, впервые взявший в руки камень, отсутствует инстинктивный или моральный запрет на такие действия, как, например, изо всей силы бить друг друга по голове тяжелыми предметами или кусаться.

Наши наблюдения подтверждаются такими же наблюдениями других исследователей³.

Причем ровесники и младшие дети подвергаются агрессии чаще, чем дети старшего возраста.

У человека нереализованные агрессивные побуждения постоянно ищут выплеска и, если не давать им общественно полезного действия, то они могут проявляться в совершении негативно-насильственных действий в отношении других людей, их интересов.

В понимании преступного агрессия и насилие играют немаловажную роль, но лишь в определенном ракурсе. В большей мере с преступным соотносится жестокость. Схожесть между агрессией и жестокостью заключается в том, что оба явления могут носить как индивидуальный, так и групповой характер, они всегда направлены на причинение физического, психологического, нравственного или иного ущерба кому-либо. В отличие от насилия и агрессии жестокость всегда аморальна, поскольку она представляет собой агрессивное поведение, связанное с субъективным получением удовлетворения от самого процесса страданий себе подобного или иного живого существа. Многие проявления насильственной жестокости составляют определенную часть тех опасных для существования человеческого общества деяний, которые составляют *ядро* преступного. Первые осознанные проявления чувства ответственности были связаны с формированием запрета именно на подобные деяния. Это могли быть запреты на убийство соплеменников и поощрения умерщвления членов других тотемов или — в целом запрет на действия, приносящие страдания. Но в той или иной мере жестокость — в любые времена в той или иной степени — была табуирована.

Если первоначальное формирование понимания преступного в социуме связывалось с внешним пониманием, как вреда и опасности физического существования человека, то с развитием и совершенствованием духовного мира, утончением и многообразием психологических связей и взаимозависимостей понимание и осознание вреда меняется и определенной частью сливается с пониманием греха.

Грех можно рассматривать как внутреннее интимное переживание, связанное с отрицанием мирового смысла, в отпадении от него и в кошунственном над ним издевательстве⁴.

При этом мы имеем в виду не религиозное понимание греховности, а общечеловеческое духовное надкультурное. В целом же понимание греха своим происхождением тесным образом связано с религией. Понимание греховного изначально связывалось с обособлением личности от бога. Отделение человека от бога, его самостоятельность проявляются в свободе. Доказательством этой свободы является факт греха, т.е. возможность индивида поступать по своей воле вопреки божественным указаниям. В свете этого основой преступного является злая деятельная воля человека. Ответственность за зло в мире, по мысли Е.Н. Трубецкого, падает не на бога, а на грешную тварь и, прежде всего, на человека как на вершину творения⁵. Но по христианской теодицеи одна личность не может отвечать за свои дела и мысли, поскольку причинно-следственная связь начинается с онтогенезом. Ее же мыслят в филогенезе, она предшествует конкретному существу. Все, что делает индивид, он не начинает, а продолжает то, что делалось до него. Наследственность греха связана с признанием христианского учения о первородном грехе. Адам не только «первый» грешник, но и родоначальник всей греховной природы человека. «Как преступлением одного всем человекам осуждение, так и правдою одного всем человекам оправдание к жизни, ибо как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие» (Послание к Римлянам. V, 18, 19).

С развитием общества развился один из элементов понимания преступного — понятие греха как нарушение аб-

солютно благой и всеправедной воли божества. Христианство признало, что внешнее действие — только оболочка, способ проявления момента внутренней, душевной жизни человека. В этом смысле внешние действия должны были отступить на задний план, а на первый план выступали внутренние душевные движения, вызвавшие эти действия. Понятие греха в таком его содержании вполне охватило и область преступного.

В свете этой идеи автор XIII в. Андрей Хорн делит все преступления, по типу грехов, на неотпускаемые — смертные, и отпускаемые. За первые полагается смерть, за вторые — прочие наказания⁶.

Стремление понять сущность преступного связано, прежде всего, с тем, что в уголовном праве криминализация и декриминализация деяний при всем стремлении к наибольшей объективности все же не может быть свободна от волюнтаристского подхода тех, кто непосредственно занимается законотворчеством. Кроме того, не исключены случаи намеренной криминализации деяний, которые, не являясь общественно-опасными, считаются таковыми только для узкого круга власть предержащих в защиту нарушения ими общественных интересов. Поэтому постижение подлинно преступного не может в полной мере лежать в рамках юридической науки и должно выходить за ее пределы. Гегель отмечал, что юридическая наука, как наука о позитивном праве, занимается не смыслом права, а соответственно и не смыслом преступного, а тем, что в данном месте и в данное время соответствующим властно-авторитетным образом установлено (позитивировано) как закон. Уголовное право, как юридическая наука, следовательно, в своем подходе к пониманию преступного исходит не из разума, а из авторитета, т.е. властного установления. Тем самым, указывает Гегель, позитивная наука о праве есть историческая наука, принципом которой является авторитет. Все остальное — дело рассудка и касается внешнего порядка, сопоставления, последовательности, дальнейшего применения и т.п.⁷

Преступное, являясь частью общественной жизни и общественного духа, не может не находить отражения и

выражения в культуре. Культура, в свою очередь, вносит определенный вклад в объяснение и понимание исследуемого социально-негативного явления с точки зрения этических, эстетических взглядов социума. Преступное как воплощение зла неоднократно привлекало внимание писателей, драматургов, художников, скульпторов. Видимо, в противоборстве добра и зла, позитивного и негативного представители искусства пытались осознать движущие начала деятельности человека, с культурологической точки зрения объясняли сущность преступного.

Преступное как воплощение зла существует в культуре людей. В противоборстве добра и зла, позитивного и негативного человек пытается осознать движущие начала деятельности, сущность преступного.

Понимание преступного в культуре происходит в художественном исследовании антиподов. Так, категория прекрасного не может быть понята без сравнения с понятием ужасного. Ужасное рассматривается как отражение неопределенной дисгармонии между человеком и миром. Социальные явления этого порядка выступают как грозные и разрушительные силы.

Ужасное не может освободить человека от страдания. Оно не может быть возвышено, так как в нем нет потенциальных возможностей преодолеть объективно существующую дисгармонию. Считать ли преступлением, например, убийство одного человека во спасение жизни многих? Зачастую этот вопрос решается положительно. По-другому смотрел на эту проблему Ф.И. Достоевский, полагая, что даже одну слезу ребенка нельзя оправдать совершенством и красотой будущей жизни, спасением жизни других людей.

Объективно-социальное содержание преступного прослеживается и в категории трагического. Преступное в эстетическом смысле выступает как социальная дисгармония, преодолеваемая в перспективе силами добра. Дисгармония, проявляющаяся через преступное и в преступном, представляет собой борьбу непримиримых общественных сил, существующих как «трагическая коллизия между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления»⁸. Иными словами, это конфликт

между актуализированными потребностями и ограниченными возможностями их осуществления.

Преступное в эстетическом плане можно рассматривать как «гибель совершенства, победу несовершенства над совершенством»⁹. В этом смысле интересен еще один аспект преступного, связанный с трагическим отношением человека с природой, в результате чего нарушается гармония природных явлений и процессов, ведущих к загрязнению окружающей среды, экологическим катастрофам, массовой гибели фауны и флоры.

В категории трагического преступное выражается в различных формах конфликта, отражающего непримиримые противоречия социальной жизни¹⁰.

Развитие и усложнение общественных отношений неизбежно приводит и к усложнению интеллектуальной деятельности, углублению осмысления различных категорий, в том числе и преступного. Преступное рассматривалось как причина зла и как всеобщее зло. Но такая позиция не может нами признаваться абсолютно верной, поскольку не любое зло содержит в себе потенцию угрозы биологическому и (или) духовному существованию индивида и группы. Так, Гегель рассматривал преступление в виде нарушения права как права. А право, по Гегелю, гласит: будь лицом и уважай других в качестве лиц¹¹. Абсолютное право — это лишь осознание правоспособности. Такое осознание в качестве элемента понятия права нацелено на реализацию и объективизацию абстрактно содержащихся в нем конкретных определений права и свободы, но не является еще ни одним из них¹².

Вот это нарушение права как права, по Гегелю, должно быть снято. Снятие преступления происходит посредством наказания, как средства восстановления нарушенного права и как права преступника, заложенного в его деянии как поступке свободной личности. Снятие преступления через наказание, по мнению Гегеля, приводит к морали, т.е. воля начинает обладать наличным бытием в самой себе. Для абстрактного права безразличны внутренний принцип и намерения лица. Только на этапе морали приобретают значение самоопределение, мотивы, умысел и цели поступков

субъекта. Требование субъективной свободы состоит в том, чтобы о человеке судили по его самоопределению. «Ценность человека определяется его внутренним побуждением, и тем самым точка зрения моральности есть для себя сущая свобода»¹³. Однако только в поступке субъективная воля достигает объективности и сферы действия закона; сама же по себе моральная воля ненаказуема¹⁴. Моральная совесть определяет личность и ее представление о добре должно соответствовать идее совести и действительному добру. Определить такое соответствие возможно, по Гегелю, через основоположения государства. Право и долг как в-себе-и-для-себя разумное и нравственное не есть особенное усмотрение отдельного индивида, а необходимо содержатся в законах государства, которым должна подчиняться совесть, чтобы не впасть в безнравственное преступное субъективное ведение. Приоритет отдается нравственному государству как носителю истины перед моральным субъектом, как носителем собственного мнения.

В выводах Гегеля просматривается определенная идеалистическая фигура. Поскольку все исторические эпохи дают примеры государств, которые не удовлетворяли и не удовлетворяют в своих правовых нормах идее преступного и не преступного с точки зрения всеобщего блага, добра и справедливости, он делал попытку выйти из этого противоречия. «Лишь во времена, когда действительность представляет собой пустое, бездуховное и лишенное устоев существование, индивиду может быть дозволено бежать от действительности и отступать в область внутренней душевной жизни»¹⁵.

Но как в таких случаях трактовать преступное, Гегель не определяет. Каким образом соотносить нравственность мотива, цели и средств ее достижения? В свете познания преступного тезис о нравственности того средства, которое необходимо и достаточно для достижения нравственной цели¹⁶, по меньшей мере, несостоятелен. Если проанализировать соотношение мотива и реального последствия морального выбора, то прослеживается явное их несоответствие.

Мотив можно рассматривать как осознанное или неосознанное побуждение. Цель является конечным результа-

том реализации мотива. Преступное существует и проявляется не только через безнравственный мотив, но и через нравственный. Объясняется данный феномен тем, что нравственные мотивы могут вызвать как полезные, так и вредные последствия; аморальные мотивы — привести к тем же результатам. Преступное в рамках права государства может определяться в любом из вариантов сочетания мотивов и последствий. В отвлеченном понимании, думается, преступное существует только в вариантах «нравственный мотив — вредные последствия», «аморальный мотив — вредные последствия», при условии выбора безнравственных средств, приведших к таким последствиям, представляющих высокую степень опасности для социума. Однако данная схема достаточно упрощена.

С точки зрения филогенеза, потеря личностью своего «Я» является нежелательной, поэтому человек любым путем в любой форме хочет быть признанным обществом, замеченным, даже путем приобретения «славы Герострата». Такое стремление существует в бессознательном и подсознательном и передается по наследству. Это позволяет делать вывод о том, что на хромосомном уровне находится информация об инстинктах наших далеких предков. А известно, что инстинкт является врожденной особенностью образа действия¹⁷.

Инстинкт определяет стратегию деяния, а сознание регулирует тактику. Однако неверно считать инстинкт мотивом поведения. В.К. Вилюнас верно отмечает, что в «мотивационном аспекте инстинкт можно охарактеризовать как унаследованный механизм удовлетворения потребностей, специфика которого состоит в побуждении индивида к совершению ряда частных действий без отражения общей их направленности, контроль за которой превышает приспособительные возможности психики на ранних этапах ее развития»¹⁸. То есть отождествлять инстинкт с мотивом недопустимо, так как инстинкт представляет собой только одну из граней мотивационной сферы бессознательного.

Через психику криминогенной личности проходят как приятные, так и неприятные эмоции. В усвоенном индивидом части коллективного бессознательного скапливаются

неприемлемые влечения, негативные раздражители, тягостные эмоции. Именно эта часть бессознательного при определенных условиях запускается в сознании, целенаправленно определяя преступную активность.

Исследования российских психофизиологов показали, что бессознательная и подсознательная часть психики личности существует в подкорке, где сосредоточен основной массив опыта вида и рода, т.е. филогенетической информации¹⁹.

Следующий аспект связан с тем, что бессознательное является важной и в некоторых случаях ведущей, но все же не единственной сферой функционирования мотивов. В одном и том же мотивационном процессе на разных уровнях психического, как правило, одновременно могут действовать и действуют осознанные и бессознательные стимулирующие смыслы. Лежащие ближе к поверхности слои мотива, непосредственно побуждающие к преступлению, вполне осознаются субъектом. Параллельно действуют и иные, бессознательные слои, которые находятся глубже, заключают в себе личностный смысл, но они не полностью или вообще не охватываются сознанием.

Эта комплексная закономерная структура мотивации не ставит под сомнение возможность уголовной ответственности лиц, совершающих преступления. Объяснение данному факту можно найти в том, что даже если глубинные мотивы преступного в большей степени являются бессознательными, запретный способ совершения преступления осознается всегда. Человек наказывается не за то, что он не знал мотивов своего деяния, а за то, что знал запрет, но нарушил его.

Еще одна сторона понимания мотивов преступного нами связывается с полимотивированностью, т.е. с одновременным существованием нескольких мотивов, равновеликих или находящихся в иерархической соподчиненности. Личностное значение и субъективный смысл имеют те из мотивов, стимулирующих поведение, которые рядом ученых называются ведущими²⁰. Но и ведущих мотивов может быть несколько, например, мотив самоутверждения и мотив удовлетворения половой потребности при изнасилова-

нии, которые обычно взаимодополняют и усиливают друг друга, придавая деянию повышенную степень общественной опасности. Совокупность ведущих мотивов (а не мотивов вообще, как утверждают некоторые авторы) можно считать ядром преступного поведения. Все остальные мотивы по степени значимости для субъекта, как концентрические круги по воде, отступают к периферическим сферам.

Однако следует учитывать, что нередко одновременно существуют противостоящие и взаимоисключающие мотивы, которые борются между собой; от того, какие мотивы побеждают и становятся центром личности, зависит характер поведения преступного или законопослушного²¹.

Говоря о проявлениях мотивов преступного, необходимо отметить, что мотивы не представляют собой нечто застывшее и неизменное. Это — не установившаяся константа, существующая постоянно, независимо от внешних ситуаций и внутренних перемен личности. Возникновение мотивов криминального поведения не останавливает развитие мотивационной сферы. В ходе подготовки к преступлению и его совершения первоначальные побуждения, установки, потребности, цели и т.д. могут существенно или незначительно меняться в смысловом и содержательном отношении в зависимости от степени взаимодействия личности с конкретной ситуацией.

Кроме того, как отмечает В.В. Лунеев, изменения мотивации уголовно-противоправного поведения отражают управляемые и стихийные, позитивные и негативные, личностные и средовые, ситуативные и исторические, а также иные криминологически значимые изменения²².

Как правило, мотивация преступного формируется на основе одного или нескольких взаимосвязанных по направленности побуждений. Изменение и развитие мотивации в таких случаях может сводиться к уточнению и опредмечиванию ведущего мотива или перемещению центральной роли от одного мотива к другому. Причем, мотивация предумышленного преступления менее изменчива, чем мотивация уголовно-противоправного деяния, совершаемого по случайным побуждениям. Динамику изменения мотивации можно проследить на процессе сублимации. В тех случаях,

когда осознанно или неосознанно цель становится недостижимой, она нередко может заменяться иной, более доступной. Это дает лицу возможность снять нервно-психическое напряжение, купировать тревожность и страх.

Известно, что по одним и тем же мотивам совершаются и преступления, и общественно полезные деяния. Связано это с тем, что мотивы сами по себе не являются преступными. Так как оценка мотива зависит не от его умозрительного содержания, а оттого, каким образом он воплощается в действительность. В уголовном праве это выражается концепцией «за мысли не судят». Именно деяния оцениваются как преступные или не преступные, а не их побуждающие основы. Связано это с тем, что любой самый аномальный гипертрофированный мотив содержит только потенцию преступления. Личность всегда стоит перед выбором возможных путей осуществления мотивов. Например, мотив корысти может заставить личность усердно трудиться, копить деньги либо совершать административные проступки в виде мелких хищений (ст. 7.27 КоАП РФ), уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 7.17 КоАП РФ), аморальные действия, либо совершать кражи, вымогательства, мошенничества, незаконные банковские операции и т.д.

В свете этого можно говорить только об относительной антисоциальной направленности мотивов преступного, оценивая соотношения мотивов индивида с присущими данному социуму на определенном этапе исторического развития нормами общественных отношений.

Мотивы поведения основываются на потребностях, побуждениях, целях, установках и т.п.; но если говорить о мотивах преступного поведения, то они связаны, по нашему мнению, с выбором общественно опасного способа реализации составляющих мотивов целей, установок, побуждений и прочее, а также нравственной направленностью личности. Поэтому мотив преступного – это внутренний смысл деятельности криминогенной личности: осознаваемый, частично осознаваемый или (и) бессознательный, приводящий к принятию решения о применении социально опасных средств или делающий приемлемым обществен-

но неприемлемый способ удовлетворения материальных, физиологических и (или) духовных потребностей.

Рассматривая преступное как особенное, поскольку оно в себя вмещает и воспроизводит абсолютное, можно рассматривать его как категорию для обозначения социальных отношений, существенно опасных (реально как в смысле объективном, так и в субъективном восприятии) для общностей людей и человека, а также для самоидентичности личности.

Разумеется, данная трактовка преступного не претендует на всеобъемлемость и рассматривается нами как одна из возможных, требующих, вероятно, уточнения и углубления при решении поставленной проблемы.

Примечания

¹ См.: Фрэнгер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 29, 40.

² См.: Фрейд З. Тотем и табу. М., 1988. С. 38 – 57.

³ См.: Лоренц К. Агрессия. М., 1994. С. 243; Антонян Ю.М. Жестокость в нашей жизни М., 1995. С. 14 и др.

⁴ См.: Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 2003. С. 138.

⁵ См. там же. С. 253.

⁶ Цит. по: Дриль Д.А. Уголовное право. СПб., 1909. С. 93.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 2007. С. 283.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 31 – 32.

⁹ Шестаков В.П. Гармония как эстетическая категория. М., 1973. С. 225.

¹⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 20. С.23 – 32, 53.

¹¹ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 132.

¹² См.: Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. М., 1998. С. 56.

¹³ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 165.

¹⁴ См.: Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 60.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Указ.соч. С. 197.

¹⁶ См.: Марксистская этика /под ред. А.И. Титаренко. М., 1976. С. 143.

¹⁷ См.: Иванов Н.Г. Мотив преступного деяния. М., 1997. С. 64.

¹⁸ Вилюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. М., 1986. С. 116.

¹⁹ См.: Жуков Н.И. Проблема сознания. Минск, 1987. С. 165.

²⁰ См.: Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступления М., 1996. С. 149.

²¹ См.: Гримак Л.П. Резервы человеческой психики. М., 1989. С. 170.

²² См.: Криминальная мотивация. М., 1990. С. 135.